

Линь Янь поднялся на кровать с другой стороны, откинул одеяло, которое прижимало верхнюю часть тела Цинь Эра, и быстро, но спокойно подsunул руку под его голову, поддерживая плечи, чтобы поднять верхнюю часть тела примерно на шестьдесят градусов. Он схватил мягкую подушку, подложил ее под поясницу и, обняв плечи и спину Цинь Эра, положил его голову на свое плечо, чтобы он мог удобно опереться.

— Обними ноги Сяо Эра.

Ладонь Линь Яня массировала грудь Цинь Эра, и он бросил взгляд на замершего Цянь Туляна, кивнув в сторону конца кровати.

Спазмы становились все сильнее, тонкие ноги под одеялом подергивались, снова и снова ударяясь о кровать, вызывая боль, словно спину ломали. Локти Цинь Эра упирались в матрас, предплечья висели в воздухе, быстро дрожа.

— А! О!

Как будто очнувшись от сна, Цянь Тулян, ошеломленный, начал ползти на коленях, но левая рука Цинь Эра сжала его правую руку с такой силой, что ограничила его движение.

— Ладно.

Линь Янь вздохнул, заметив их сплетенные руки, и поманил Цянь Туляна.

— Подойди и помоги мне его поддержать.

Он приподнял руку, освобождая место.

Цянь Тулян наклонился вперед, слегка согнувшись, подставив плечо. Его правая рука все еще была в хватке Цинь Эра, поэтому он мог только левой рукой поддерживать его спину, помогая удерживать слабую поясницу.

Линь Янь, поддерживая шею Цинь Эра, положил его голову на плечо Цянь Туляна и быстро переместился к концу кровати, сбросив одеяло в сторону, и начал массировать его ноги, чтобы облегчить спазмы.

Поднятие верхней части тела немного облегчило закупорку дыхательных путей, и Цинь Эр, слабо сгорбившись, с трудом кашлял и дышал. Каждый раз, когда он изо всех сил кашлял, его плечи сильно дергались. Удушье и тяжесть в груди заставили его глаза покраснеть, и слезы выступили в уголках глаз. Во время кашля слюна вылетала изо рта, пачкая тонкую куртку Цянь Туляна.

После очередного приступа кашля и рвоты дыхательные пути, наконец, очистились, и Цинь Эр, полузакрыв глаза, плотно сжал губы.

Спазмы в конечностях постепенно утихли, ноги уже успокоились, только пальцы на ногах еще дрожали в эластичных носках. Предплечья обессиленно опустились, и пальцы больше не могли удерживать правую руку Цянь Туляна, ослабевая и готовые выскользнуть из его ладони, но Цянь Тулян вовремя сжал их, крепко удерживая.

— Теперь лучше?

Ладонь Цянь Туляна остановилась на затылке Цинь Эра, поглаживая слегка влажные от пота волосы.

— Мм.

Кадык Цинь Эра сдвинулся, и он тихо ответил. Горло было сухим, во рту ощущался привкус крови, и его голос был невероятно хриплым.

— Может, нужно выпить воды?

Не видя лица Цинь Эра, только слыша его хриплый голос, Цянь Тулян почувствовал, как сердце сжалось от боли, и обнял его еще крепче.

Голова в его шее слегка покачалась, и Цинь Эр продолжал плотно сжимать губы, не желая говорить.

Бессильные ноги были снова положены на кровать, и Линь Янь подошел к изголовью, достал несколько салфеток, разложил их на ладони и вытер слюну, брызнувшую изо рта Цинь Эра. Салфетку поднесли к губам, и Цинь Эр, наконец, разжал их. Густой комок кровавой слизи был собран салфеткой и свернут.

После приступа кашля и спазмов недержание было неизбежным. Светло-серые пижамные брюки потемнели в одном месте, и воздух наполнился резким запахом. Достоинство Цинь Эра было растоптано, и он чувствовал себя униженным.

Линь Янь, словно пытаясь скрыть это, взял тонкое одеяло и накрыл им поясницу Цинь Эра.

— Положи меня обратно.

Спина и поясница болели, и даже руки онемели. Цинь Эр попытался приподнять запястье, ладонь слабо потерлась о ладонь Цянь Туляна, вызывая в его сердце странное чувство боли и щекотки.

Признание Лянцзая пришло неожиданно, и тревога, беспокойство в сердце Цинь Эра были успокоены его словами о любви. Но прежде чем он смог насладиться счастливым концом, его больное тело жестоко напомнило о себе.

Да, тело Цинь Эра действительно было сломлено.

Да, Цинь Эр действительно стал другим.

Любви было недостаточно, его тело всегда будет непреодолимым препятствием на пути к счастью.

Что толку от принятия своей инвалидности? Разве принятие может исцелить?

Ответ был очевиден.

Как бы спокойно он ни относился к этому, его тело никогда не станет здоровым. Он мог только влачить существование в этом теле, стараясь выжить, пока не придет смерть.

Все предыдущие догадки, все тревоги, вся радость от того, что он снова обрел любовь, теперь казались смешными.

Смотрите, в день признания Лянцзая он обмочился перед ним! Смотрите, в день, когда их чувства стали взаимными, он испачкал одежду Лянцзая! Смотрите, такой прекрасный вечер был разрушен его неловкостью!

Реальность пробила твердую оболочку его сердца, и тщательно скрываемая хрупкость была готова вырваться наружу. Веки Цинь Эра были тяжелыми, длинные ресницы скрывали зрачки, и в его всегда мягких глазах больше не было улыбки. Он лежал без выражения на подушках, терпеливо вынося боль в спине, и молча смотрел на Цянь Туляна, который пристально наблюдал за ним. Наконец, он заговорил.

— Лянцзай, сегодня вечером ты пойдешь спать в комнату брата Линя.

Когда он сам болел, Цинь Эр не проявлял к нему никакого отвращения, заставляя его снять маску и спать в одной кровати. Теперь роли поменялись, и Цянь Тулян тоже не испытывал отвращения к инвалидности Цинь Эра. Он тоже хотел спать с ним в одной кровати, он тоже хотел быть тем, кто заботится о нем. Такое же искреннее принятие, как у Цинь Эра, он тоже мог проявить, так почему же Цинь Эр не давал ему шанса?

Цянь Тулян хотел возразить. Но рот открывался и закрывался, и он не мог произнести ни слова.

Его состояние не испугало Цянь Туляна, но мрачность Цинь Эра напугала его.

Спокойный человек, который иногда становился мрачным, часто пугал больше, чем изначально жестокий. В его памяти Цинь Эр всегда был мягким и улыбочивым. Такого мрачного Цинь Эра он никогда не видел.

К тому же, он не мог хорошо заботиться о Цинь Эре, правда? Когда у того случился приступ, он мог только беспомощно стоять и ничего не делать.

Чувствуя себя крайне подавленным, Цянь Тулян молча последовал за Линь Янем в комнату, молча наблюдал, как тот меняет постельное белье, молча принял пижаму, приготовленную Цинь Эром, молча посмотрел, как Линь Янь закрывает дверь, и молча лег на кровать.

Цянь Тулян все время был в оцепенении, он не знал, как еще реагировать. Его внезапное появление нарушило отдых Цинь Эра, его внезапное признание вызвало приступ. Его первое в жизни признание получило ответное «люблю», но в этой ситуации Цянь Тулян не знал, было ли его признание успешным или провальным.

В комнате было тихо, а в голове царил хаос. Цянь Тулян не спал, прислушиваясь к звукам из соседней комнаты. Стены были звукоизолированными, и он ничего не слышал.

Прошло много времени, настолько много, что Цянь Тулян уже заснул и проснулся, но он так и не услышал ни звука. Заглянув в щель под дверью, он увидел, что свет в гостиной погас, и все было погружено в темноту.

Цянь Тулян не знал, как сейчас чувствует себя Цинь Эр, не знал, прошла ли его боль, не знал, стало ли ему лучше. Он даже не знал, остался ли Линь Янь в его комнате, чтобы присматривать за ним.

Сердце его продолжало тревожно биться, и Цянь Тулян, ворочаясь, больше не мог спать. Он резко вскочил с кровати, осторожно спустился на пол и тихо вышел из комнаты.

В гостиной было темно, слабый лунный свет проникал через стеклянную дверь балкона, и на диване виднелся смутный комок одеяла. Видимо, Линь Янь сегодня ночевал здесь.

Дверь в главную спальню была открыта. Сбросив мягкие тапочки, Цянь Тулян босиком, на цыпочках, шаг за шагом продвигался к главной спальне.

Лампа на тумбочке все еще горела, но свет был приглушен до минимума, и можно было разглядеть лишь слабый изгиб в центре кровати. Заглянув в комнату, он увидел, что простыня уже была заменена на новую, и на ней виднелись белые полосы. Ноги все еще стояли за дверью, Цянь Тулян изо всех сил тянулся вперед, пытаясь увидеть лицо Цинь Эра, но так и не смог его разглядеть.

<http://bllate.org/book/15550/1376475>